

РЫЛЕЕВ В «ДЕЛЕ» О ВОЛНЕНИИ КРЕПОСТНЫХ КРЕСТЬЯН ГРАФА РАЗУМОВСКОГО

Сообщение И. И. Игнатович

В своих воспоминаниях о Рылееве Н. А. Бестужев, рассказывая об избрании Рылеева «заседателем в Уголовный суд по Петербургской губернии», сообщает, что «сострадание к человечеству, нелицеприятие, пылкая справедливость, неутомимое защищение истины сделало его известным в столице. Между простым народом имя и честность его вошли в пословицу». Рылеев был избран заседателем Петербургской уголовной палаты в 1820 г. и прослужил там до 1824 г. Н. А. Бестужев рассказывает такой случай: «Однажды по важному подозрению схвачен был какой-то мещанин и представлен бывшему тогда военному губернатору Милорадовичу. Сделали ему допрос; но как степень виновности могла только объясниться собственным признанием, то Милорадович грозил ему всеми наказаниями, ежели он не сознается. Мещанин был невинен и не хотел брать на себя напрасно преступления; тогда Милорадович, соскуча запираательствами, объявил, что отдает его под уголовный суд, зная, как неохотно русские простолюдины вверяются судам. Он думал, что этот человек от страха суда скажет ему истину, но мещанин вместо того упал ему в ноги и с горячими слезами благодарил за милость.

— Какую же милость оказал я тебе? — спросил губернатор.

— Вы меня отдали под суд, — отвечал мещанин, — и теперь я знаю, что избавлюсь от всех мук и привязок, знаю, что буду оправдан: там есть Рылеев, он не дает погибать невинным!

Это происшествие, — замечает Бестужев, — более всех похвал дает понятие о действиях сего человека»¹.

По словам декабриста Розена, Рылеев в свободное время «хаживал в Губернское правление, вызываясь хлопотать за людей безграмотных, бедных или притесненных, так что в последние годы все такие просители хорошо знали его»². Даже ренегат Греч признавал, что Рылеев «служил усердно и честно, всячески старался о смягчении судьбы подсудимых, особенно простых, беззащитных людей»³. Упоминая об «известном деле разумовских крестьян», Бестужев пишет: «мнение Рылеева о сих несчастных было написано с силою чувствований, защищавших невинное дело. Император, вельможи, власти, судьи, угождающие силе — все было против; один Рылеев взял сторону угнетенных, и это его мнение будет служить вечным памятником истины — свидетелем, с какой смелостью Рылеев говорил правду»⁴.

До сих пор у нас не было никаких документальных данных, подтверждающих свидетельства Н. А. Бестужева. Сейчас по вновь найденным архивным материалам нами установлено, что Рылеев выступал с особым мнением по двум делам разумовских крестьян. К сожалению, у нас нет возможности воссоздать в точности выступления Рылеева. Архив

Петербургской уголовной палаты за двадцатые годы прошлого века не сохранился. Но теперь мы более или менее осведомлены о самом волнении крепостных крестьян графа Разумовского в имении Гостилицы Ораниенбаумского уезда Петербургской губернии; кроме того, среди архивных материалов сохранились следы выступлений Рылеева в Уголовной палате⁵.

Гостилицкая вотчина (до 1800 крестьян, около 500 дворов), где в 1821—1822 гг. происходило волнение крестьян, три раза судимых в Петербургской уголовной палате, принадлежала обер-камергеру П. К. Разумовскому⁶. Кроме мызы Гостилицы, где находилась господская усадьба и летом жил сам Разумовский, в этой вотчине было несколько деревень и сел: Дятлицы, Новая, Варваровская, Медвежий конец, Перелесы и другие. Крестьяне были положены в 837¹/₂ тягол. Из них 400 тягол (47,8%) были оброчными, 384¹/₂ тягол (45,8%) — издельными и 53 тягла (6,4%) состояли при различных должностях на мызе. Оброчные платили с тягла в год по 125 р. Сверх этого они должны были вывезти на своих лошадях из господского леса по одной сажени дров с тягла (что оценивалось на деньги в 10 р.). На оброк отпускались, повидимому, только более состоятельные крестьяне. Когда издельные крестьяне просили в 1821 г. перевести их на оброк, им было отказано. Отказ мотивировался тем, что крестьяне эти «большеею частью бедны и нетрезвого поведения, почему и нет надежды, чтобы они в состоянии были платить исправно оброк наравне с прочими крестьянами». И все же оброк был так велик, что и среди оброчных гостилицких крестьян были недоимщики. Недоимщиков жестоко наказывали, но наказания помогали мало. Крестьяне жаловались на невыносимую обременительность оброка. Сам Александр I, как увидим дальше, признал оброк «несоразмерным». Он приказал поставить это на вид Разумовскому, «дабы он понемногу убавлял столь отяготительный оброк и привел его в соразмерность, о коей с.-петербургский ген.-губернатор, снесясь с предводителями, долженствует его известить». Однако мнения губернского и уездного предводителей дворянства разошлись с мнением Александра I. Губернский предводитель дворянства, А. Л. Нарышкин, и уездный предводитель дворянства, которым было поручено в 1821 г. установить размер оброка для гостилицких крестьян, признали этот оброк «неотяготительным». По их мнению, крестьянин с лошадыю, живя под Петербургом, мог заработать по 4 р. в день, то есть за 150 дней, которые другие крестьяне работали на барщине, он мог выработать 600 р. Полагая по 2 р. 50 коп. на прокормление лошади и крестьянина, оставалось, по их расчету, от заработка 225 р., из которых помещику оброчный крестьянин отдавал 125 р., а остальные 100 р. шли ему самому.

В особо тяжелом положении находились издельные крестьяне Разумовского. Труд их подвергался жестокой эксплуатации. Зимой, когда в господском хозяйстве было меньше работ, трехдневная барщина более или менее соблюдалась. В зимние месяцы желающие даже отпускались на оброк с обязательством уплачивать 10 р. в месяц. Но в другие времена года, особенно в период полевых работ, Разумовский, игнорируя закон о трехдневной барщине, бесцеремонно захватывал «крестьянские» дни для своих работ. В 1821 г. крестьяне жаловались, что летом бурмистр давал им для «крестьянских» работ «два, а иногда один только день» в неделю, «в сенокосное же время и никакого отдохновения им не давал». Жаловались они также на жестокие наказания за малейшую провинность. Губернатор, посетив Гостилицы в ноябре 1821 г., нашел, что включать все праздничные дни, кроме воскресенья, в число «крестьянских» дней — неправильно. Из-за этого бывали, по его словам, такие недели, когда крестьяне имели возможность работать на себя всего лишь один

или два дня. Починка дорог государственного значения тоже производилась только в «крестьянские» дни. Губернатор признавал, что простой в сельских работах из-за праздничных дней или дней, занятых починкою дорог, должен делиться поровну между помещиком и крестьянами. Александр I тоже признал, что распределение дней между помещиком и крестьянами должно быть «уравнительнее». Уездные же и губернский предводители дворянства считали зачисление всех праздничных дней, кроме воскресений, в счет «крестьянских» делом вполне обычным. По их мнению, «легкий перевес дней в пользу помещика» справедлив, так как доход помещиков «ничем не обеспечен», а состояние крестьян «обеспечено в полной мере». Таким «обеспечением» они считали обязанность помещиков помогать крестьянам в несчастных случаях, при неурожае и т. п., а также ответственность, которую несли помещики за платеж казенных податей. Предводители дворянства признали лишь, что зимний оброк с издельных крестьян мог быть понижен в виду того дохода, который помещик получал с пашни. Осудили они и тот факт, что дороги государственного значения принято было чинить только в «крестьянские» дни. В этом пункте они вполне разделяли точку зрения губернатора.

Виновником несправедливостей в управлении вотчиной крестьяне считали бурмистра Егорова. В действительности же бурмистр был лишь исполнителем распоряжений самого Разумовского. Судя по донесению гостилицкой конторы от 14 декабря 1821 г., в Гостилицах до 1819 г. управляющие постоянно менялись, а после 1819 г. вотчиной управляла гостилицкая контора: летом — «под личными приказами самого помещика», а зимою — «по предписаниям петербургской его сиятельства конторы». Когда в июле 1821 г. начались «беспорядки», распоряжался в Гостилицах сам Разумовский и своими распоряжениями вызвал возмущение крестьян. Егоров, бессменно состоявший в бурмистрах 28 лет, пользовавшийся доверием графа, заменявший управляющих, когда их не было, был усердным исполнителем распоряжений графа. За «усердие» и «доброе поведение» граф дал Егорову и его семейству в марте 1821 г. отпускную с той оговоркой, однако, чтобы они воспользовались ею только после его смерти. Когда летом 1821 г. крестьяне два раза жаловались графу на жестокость Егорова и просили сменить его, Разумовский отвечал: «Не вами бурмистр поставлен, не вами может быть и сменен». Крестьяне были недовольны и более мелкими вотчинными начальниками. По их мнению, «дворским духом» были заражены все — десятники, выборные, даже пастухи, а потому крестьяне желали всех их сменить и самим назначить новых служащих из своей среды.

Следует заметить, что волнение гостилицких крестьян в 1821 г. могло быть вызвано и неурожаем. В 1821 г. помещику пришлось выдать крестьянам на засев озимых полей из господских магазинов 980 четвертей зерна. Отчасти продовольственными затруднениями объясняется и отпуск желающих в зимние месяцы идти на заработки в Петербург. Весной 1822 г. вотчинное управление выдало крестьянам овес для обсеменения яровых полей. Но все же не продовольственной нуждой было вызвано крестьянское волнение, тянувшееся в 1821 г. приблизительно четыре с половиною месяца (с июля по конец ноября), вспыхнувшее вновь в январе 1822 г. и продолжавшееся в более слабой форме по крайней мере до весны 1822 г. при непрерывном брожении среди крестьян. Главными причинами волнения, временами очень бурного, было прежде всего тяжелое экономическое положение крестьян, выражавшееся, главным образом, в чрезмерном оброке, в почти ежедневной барщине во время полевых работ и в жестоких наказаниях за малейшую провинность?

За волнением гостилицких крестьян пристально следили местные власти и сам Александр I. Расследование протекало необычным порядком. Дело находилось в ведении петербургского генерал-губернатора Милорадовича, и к Милорадовичу, минуя министра внутренних дел, направлялись все донесения губернатора и других лиц. На протяжении пяти месяцев в Петербургской палате уголовного суда было решено три дела о неповиновении крестьян Гостилицкой вотчины. Первое, начатое в ноябре 1821 г., предписано было решить в восемь дней. В изъятие из обычного порядка, дела гостилицких крестьян шли из Палаты уголовного суда в Комитет министров и, минуя Сенат, прямо представлялись на утверждение Александру I. В вотчину была введена воинская команда, стоявшая там несколько месяцев. Два раза в Гостилицы вводили по батальону солдат. Но все эти экстраординарные меры объясняются вовсе не силой движения, не упорством крестьян и даже не тем видимым положением, какое занимал при дворе сам Разумовский.

Чтобы понять отношение Александра I к волнению гостилицких крестьян, нужно вспомнить события предыдущего, 1820 года, слишком памятного царю. Известно, что в 1820 г. поднялись крестьяне на Дону и в Екатеринославской губернии. Движение охватило более 45 000 человек и грозило перекинуться в другие губернии с более густым крепостным населением. Усмирение донских и екатеринославских крестьян Александр I поручил в 1820 г. А. И. Чернышеву, снабдив его неограниченными полномочиями. На усмирении крестьян Чернышев двинул крупные военные силы. Массовое крестьянское восстание на Дону было не единичным фактом, характеризующим напряженность внутренней обстановки в России к началу 1820-х годов. Доказательством тому является рост крестьянских волнений в пятилетие 1816—1820 гг. С 1801 по 1805 г. было 49 волнений (единичных и затяжных); в 1806—1810 гг.—38; в 1811—1815 гг.—36; в пятилетие 1816—1820 гг. их было 87, то есть число их увеличилось более чем вдвое. В последнее же пятилетие царствования Александра I (1821—1825 гг.) количество волнений спало до 55, — очевидно, под влиянием усилившихся репрессий против крестьян⁸.

Все эти факты свидетельствуют, что у Александра I были весьма веские основания для беспокойства. События на Дону в 1820 г., рост крестьянских волнений в 1816—1820 гг. побудили Александра I отказаться от мысли ограничить права донских помещиков и заставили его повсеместно усилить репрессии против крестьян. Девизом его стало: «усмирение прежде всего». «Неповиновения не должны быть терпимы, какой бы ни был источник их, — провозглашал циркуляр министра внутренних дел от 10 июня 1820 г., выражавший взгляд самого царя, — они должны быть немедленно пресекаемы, буде можно мерами кроткими, а в необходимости и мерами вооруженного понуждения». Только после усмирения, — говорилось в циркуляре, — можно приступать к «пресечению притеснений, крестьянам иногда чинимых».

Когда поднялись крестьяне на Дону, Александр I принял меры к тому, чтобы скрыть происходящее. Вся переписка, все рапорты и донесения шли не через Министерство внутренних дел, а непосредственно к А. И. Чернышеву, который и сообщал обо всем лично Александру I в виде всеподданнейших рапортов или в виде писем на имя Аракчеева, а во время отсутствия Аракчеева — на имя статс-секретаря, Н. Н. Муравьева, или начальника штаба, П. М. Волконского. Эти письма докладывались Александру I. Повидимому, волнение крестьян, охватившее громадную вотчину Разумовского, расположенную под самым Петербургом, пробудило в душе царя те страхи перед возможностью массового восстания крепостных, какие он испытал в 1820 г. Напомним также, что

1820 год был годом восстания Семеновского полка: Александр I убедился, что даже гвардейские полки ненадежны. Как известно, во время возмущения семеновцев в соседних казармах были разбросаны прокламации, призывавшие к борьбе с царем и помещиками, угнетавшими крестьян. «В возмущении Семеновского полка проявился протест солдатской массы против крепостнического угнетения»⁹. Эти события могли также побуждать Александра I подавить волнение крестьян, происходившее в непосредственной близости к столице, возможно быстрее и с наименьшей оглаской.

Поводом к проявлению недовольства в Гостилицах послужил слух, будто Разумовский собирается продать своих крестьян в казну. Первые признаки неповиновения обнаружили в июле 1821 г. во время сенокоса. Когда граф, как и в прежние годы, предписал крестьянам сначала окончить уборку господского сена и только затем приступить к уборке своих лугов, крестьяне отказались от работ. Вслед за тем они обратились к Разумовскому с рядом требований. Они настаивали не только на смене бурмистра, но и на смене всего состава служащих в экономии. Кроме того, они требовали, чтобы все крестьяне были переведены на оброк. Удовлетворить последнюю просьбу Разумовский не считал возможным из-за бедности большей части издельных крестьян. Не желая сменять бурмистра, Разумовский все же сделал уступку крестьянам: формально устранив Егорова от управления вотчиной, Разумовский в то же время распорядился произвести ревизию по управлению. Ревизия была для бурмистра благоприятна. Крестьяне попытались вторично просить о смене бурмистра, но опять получили отказ. Тогда среди крестьян возникла мысль обратиться с жалобой к высшему начальству, и если нужно будет — дойти до самого царя. Вотчина пришла в движение. Крестьяне собирались сходки, совещались. 13 августа двое крестьян скрылись — очевидно, они покинули вотчину, чтобы подать прошение властям. Управляющий Прянишников, вступивший в то время в управление вотчиной, 16 августа сообщил о происходящем в земский суд и просил привести крестьян «в порядок». Два крестьянина были представлены для сдачи в рекруты без зачета, а четыре — для предания суду. Однако крестьяне продолжали упорно настаивать на смене бурмистра. В августе в вотчину прибыл губернатор, но он не добился от крестьян полного повиновения. Опасаясь, что волнение из Гостилиц может перекинуться и в соседние вотчины, губернатор считал необходимым усилить репрессии. В Гостилицы была введена воинская команда, простоявшая здесь вплоть до 1 декабря. Между тем крестьянские ходоки подали прошение Александру I. Расследование по этому прошению производил уездный предводитель дворянства. Жалобы крестьян были признаны неосновательными. Тогда крестьяне представили в сентябре военному генерал-губернатору заявление от крестьян четырех соседних вотчин, в котором те удостоверяли, что гостилицких крестьян действительно принуждают работать в воскресные и праздничные дни, что на ремонте дорог работают поголовно все гостилицкие крестьяне, что их подвергают жестоким наказаниям. Снова было произведено расследование, на этот раз через земский суд. Расследование установило: гостилицкие крестьяне ходили из вотчины в вотчину и просили соседних крестьян дать показания в их пользу; за крестьян двух вотчин подписался конторщик одной из них без всякой с их стороны просьбы. Гостилицкие ходоки были преданы суду, а с соседних крестьян была взята подписка, что впредь они подобных удостоверений без разрешения правительства давать не станут.

Между тем, несмотря на присутствие воинской команды, движение разрасталось. В октябре воинская команда была увеличена до ста человек. В Гостилицы был послан полковник Пороховников объявить кре-

стьянам, что все их жалобы признаны неосновательными. Пороховников сообщил властям, что крестьяне уклоняются от своих обязанностей, «оказывая явное неповиновение». В то же время начались беспорядки и в соседней вотчине гр. Румянцева. Хотя неповиновение в румянцевской вотчине было быстро прекращено земской полицией, но все же это побудило генерал-губернатора принять спешные меры к подавлению беспорядка в Гостилицах. 4 ноября 1821 г. он сделал представление начальнику Главного штаба о необходимости ввести в Гостилицы воинскую команду, достаточно многочисленную для предупреждения всяких беспорядков.

В начале ноября в Гостилицах произошли новые события. К тому времени из вотчины скрылись уже 14 человек. В ночь с 5-го на 6-е ноября они явились в деревню Новую и собрали сходку, на которой было решено идти всем миром в Петербург с жалобой к царю; затем толпа крестьян отправилась в деревню Медвежий конец, а оттуда направилась в деревню Дятлицы, но здесь вмешалась воинская команда и задержала 85 человек (шестеро были из числа скрывшихся четырнадцати). Пятьдесят человек все же ушло в Петербург, чтобы снова подать жалобу Милорадовичу или императрице Марии Федоровне. Часть из них была захвачена в Петербурге полицией. Об этом доложили Александру I, и он, изъясв дело из обычного порядка, приказал передать записку о гостилицких крестьянах в Комитет министров. В это время пришло новое известие, что утром 7 ноября около 200 крестьян собралось на мызе, требуя освобождения арестованных. Получив отказ, они сначала ушли, но затем собрались снова в еще большем числе и стали кричать арестованным, чтобы они выходили на свободу. Те стали отпирать окна и ломать двери, пока военный караул не заставил их прекратить борьбу. Пришедшие старались ворваться на двор мызы, но, встретив отпор солдат, разошлись по деревням. Обо всем этом, по повелению Александра I, была внесена записка в Комитет министров.

9 ноября Комитет министров рассмотрел дело гостилицких крестьян и поручил гражданскому губернатору усмирить их. В Гостилицы был введен батальон солдат и оставлен там впредь до особого распоряжения. Губернатору поручалось подвергнуть полицейскому наказанию всех крестьян, которые будут упорствовать в неповиновении, и предать суду «начинщиков» и тех, которые станут упорствовать после наказания. Предписывалось окончить суд во всех инстанциях в восемь дней. Только после усмирения генерал-губернатор должен был «обратить особенное внимание на благосостояние» крестьян и «управление» ими. 10 ноября Александр I утвердил постановление Комитета министров.

11 ноября губернатор был уже в Гостилицах; тогда же вступил туда батальон 2-го Карабинерного полка с частью кавалерии и расположился по деревням на квартирах. 12 ноября на мызе в Гостилицах собралось более 400 крестьян; были приведены и находившиеся на мызе под караулом 85 человек. В присутствии губернского предводителя дворянства губернатор внушал крестьянам необходимость повиноваться помещику. Группа крестьян (21 человек) была подвергнута наказанию, остальные присмирели и дали обещание беспрекословно выполнять все господские работы. Отдано под суд было шесть человек из числа скрывавшихся и агитировавших на тайных сходках. Кроме них были преданы суду арестованные раньше 17 человек, уже сидевшие в ораниенбаумской тюрьме. Войско было оставлено в вотчине.

В этот свой приезд губернатор более внимательно разобрал требования крестьян гостилицкой вотчины и признал, что относить дни праздников и ремонта дорог в счет «крестьянских» дней неправильно. В ответ на это Разумовский обратился с просьбой к губернатору назначить комиссию

из помещиков Ораниенбаумского уезда и поручить ей обследовать на месте экономические порядки в Гостилицах.

Между тем в Петербурге были задержаны 13 крестьян, которые, отчаявшись получить защиту у помещика, решили искать ее у правительства. «Все, старые и малые, мужья и жены, сыновья и дочери» намеревались «сойтти с мест жилищ их и со слезами повергнуться к стопам его императорского величества». Но шествие крестьян к царю не состоялось.

К тому времени был вынесен приговор Петербургской уголовной палаты по делу о выступлении крестьян в начале ноября 1821 г. Было предложено десять человек наказать кнутом и сослать в каторжные работы в Нерчинск, в кандалах; десять — наказать плетью (по сорока ударов) и предоставить помещику решить: оставит ли он их у себя в вотчине или удалит, отдав годных в рекруты, а непригодных отправив в ссылку на поселение.

Ноябрьский приговор уголовной палаты был немедленно внесен в Комитет министров, который решил, во избежание потери времени, немедленно привести его в исполнение, не представляя в Сенат. Александр I, которому приговор был представлен на утверждение, заменил для первых десяти человек кнут — плетью со ссылкой их с семьями в Сибирь на поселение. Разумовский, со своей стороны, заявил о своем желании оставить в вотчине десять человек, судьба которых после наказания была поставлена в зависимость от его воли, и просил вернуть ему шесть человек из первого десятка осужденных. Это ходатайство было удовлетворено. Таким образом, на поселение в Сибирь отправлены в конце концов четыре семьи.

Приговор был приведен в исполнение 30 ноября в присутствии губернатора, воинской команды, всех гостилицких крестьян, а также крестьян соседних вотчин. Одни громко выражали возмущение наказанием, другие заявляли, что готовы идти в Сибирь вместе с осужденными. Толпа шумела и после окончания экзекуции долго не желала расходиться. Крестьян разогнали силой. Однако во время отправки четырех семейств на поселение не было ни шума, ни сборищ. Ввиду установившегося «спокойствия» 1 декабря 1821 г. батальон был выведен из Гостилиц.

Внешний порядок в вотчине был восстановлен, но брожение не улеглось. Многие крестьяне продолжали скрываться. 4 января 1822 г. гражданский губернатор сообщил Милорадовичу, что крестьяне гостилицкой вотчины собрали 30 декабря самовольную сходку, а на другой день двое из них явились к управляющему с заявлением, что они не знают, «чи они теперь и кому повиноваться». Управляющий объяснил, что они по-прежнему принадлежат Разумовскому, но крестьяне выслушали его недоверчиво. 1 января к управляющему явилась толпа крестьян, человек в 400, с заявлением, что так как им неизвестно, кому они теперь принадлежат, они до решения дела не будут ни платить оброка, ни ходить на «господскую» работу. По их словам, десять человек по мирскому приговору пошли с просьбой к самому царю. Крестьяне на суде подтвердили, что на другой же день после этого заявления на «господскую» работу вышли только пять человек, а на третий день и те перестали ходить.

Милорадович доложил об этом Александру I, который немедленно распорядился послать в Гостилицы батальон солдат с приказом оставаться там до тех пор, пока крестьяне не успокоятся. В то же время восстановить спокойствие и выяснить причину новых беспорядков Александр I поручил генерал-лейтенанту Гладкову, известному усмирителю костромских крестьян Н. Ф. Грибоедовой, который в 1822 г. был обер-полицеймейстером в Петербурге. Гладков, — по формулировке журнала

Комитета министров от 11 апреля 1822 г., — «нашел там не только противу помещика и управляющего совершенное неповиновение и буйство, но даже ослушность и его приказаниям». Было арестовано и предано суду 13 человек.

29 марта Разумовский, недовольный медлительностью суда, обратился к Милорадовичу с письмом, в котором объяснял непокорность крестьян тем, «что длится дело о преданных суду более буйных их товарищей и остаются без преследования их руководители». К письму было приложено донесение управляющего, сообщавшего, что крестьяне отказались от пособия на яровой посев. Этот отказ управляющий объяснял намерением крестьян «оставить поля свои незасеянными и привести себя в расстроенное положение, дабы иметь повод после жаловаться, что они разорены». Разумовский добился быстрого окончания дела. 11 апреля 1822 г. приговор Уголовного суда был внесен в Комитет министров. Уголовная палата признавала, что следовало бы выяснить причины нового возмущения, но решила не делать этого, «дабы отдалением времени крестьяне не содержались под стражею, прочие же вновь не приступили к дерзким намерениям». Поэтому Палата, на основании донесений управляющего и удостоверения Гладкова в виновности крестьян, преданных суду, приговорила трех человек к наказанию кнутом (по десяти ударов каждому), с последующею ссылкой в Нерчинск в каторжные работы. Семь человек были приговорены к плетям — по двадцати ударов; помещику было предоставлено право решить вопрос об их дальнейшей судьбе — оставить их в вотчине, отдать в рекруты или же отправить в ссылку на поселение.

Как видим, сама Палата уголовного суда признавала, что выяснить причины возмущения крестьян необходимо, но еще нужнее было, с точки зрения власть имущих, как можно скорее добиться повиновения крестьян, залугав их суровостью приговора. Фактически Палата уголовного суда основывала свой приговор только на сведениях, доставленных управляющим Разумовского, и на заявлениях Гладкова.

При обсуждении этого дела в Палате уголовного суда Рылеев принял в нем активное участие. Он выступил против необоснованного решения Палаты, приговорившей обвиняемых к кнуту, каторге, плетям, не обследовав даже причин их поступков. Он остался при особом мнении, которое в письменной форме было представлено Палатой вместе с ее постановлением в Комитет министров. Мнение Рылеева было включено в «Журнал Комитета министров» от 11 апреля 1822 г. «Дворянский заседатель палаты уголовного суда, Рылеев, — говорится там, — подписав означенный приговор, остался при особом мнении, что как дело подсудимых основалось только на донесениях управляющего вотчиной гр. Разумовского и на предположении обер-полицеймейстера и что из показаний подсудимых не видно ни причины возмущения, возникшего после решения, ни виновников и главных зачинщиков оного, *то и не может он приступить к обвинению кого-либо из подсудимых*» (курсив наш. — И. И.). Таким образом, Рылеев отказался от участия в составлении приговора. Это был протест против грубой расправы с крестьянами, совершаемой даже без соблюдения существующих законов.

Но мнение Рылеева, конечно, не получило поддержки. В Комитете министров Милорадович предложил утвердить приговор, не доводя его до Сената, как следовало бы сделать ввиду большого числа приговоренных; мотивировалось это опять-таки «прежним ходом дела о начинщиках ослушания крестьян гостилицкой вотчины и во избежание потери времени». Милорадович подкрепил свое мнение вышеприведенным письмом Разумовского от 29 марта 1822 г. Комитет министров стал на точку зрения Милорадовича и решил привести приговор Палаты в исполнение; Александр I его утвердил.

22 апреля в Комитете министров был заслушан приговор Палаты уголовного суда по делу 13-ти крестьян, арестованных, как выше указывалось, в декабре 1821 г. Палата приговорила восемь человек к наказанию плетью от трех до тридцати ударов с отдачею затем на волю помещика. Пять человек были приговорены к плетям по двадцати ударов; после наказания они должны были быть оставлены в вотчине. Эти крестьяне обвинялись в том, что они участвовали в тайных сходках, агитировали за продолжение хлопот по жалобам на управление графа, собирали деньги на расходы и посылали ходоков в Петербург. При разборе этого дела снова выступил Рылеев и снова остался при особом мнении. Это «мнение», по словам неизвестного автора посвященной Рылееву статьи (см. прим. 5), было поставлено в Палате на голосование, но члены Палаты не согласились с ним. Палата ограничилась представлением «мнения» Рылеева в письменной форме, вместе со своим постановлением генерал-губернатору, а Милорадович передал то и другое в Комитет министров. «Мнение» Рылеева было зафиксировано в «Журнале Комитета министров» от 22 апреля 1822 г. Рылеев, в частности, предлагал: «Почитаю необходимым для предупреждения могущего вновь возникнуть неповиновения крестьян в вотчине гр. Разумовского послать, по избранию правительства, благонадежного чиновника для исследования на месте, действительно ли бурмистр Николай Егоров делает крестьянам притеснения, как то показывают некоторые из подсудимых, и если делает, то в чем оные состоят; а как из первоначально производившегося в палате дела видно, что бурмистр действует не сам собою, а по установлениям, издавна в вотчинной конторе существующим, то исследовать: нет ли чего отяготительного в сих установлениях»¹⁰.

Это предложение Рылеева тоже не было принято. Милорадович предложил утвердить и исполнить приговор Палаты, с чем согласился и Комитет министров. В заседании 6 июня было объявлено о высочайшем утверждении постановления Комитета министров от 22 апреля 1822 г.

Непосредственных результатов двукратные выступления Рылеева в защиту крестьян Разумовского не дали, да и не могли дать, — это резко противоречило бы политике самодержавия, направленной на всемерное подавление крестьянского движения, в какой бы оно форме ни выражалось. Правительство расправилось с крестьянами так, как считало нужным. Но важно то, что в Палате уголовного суда прозвучал смелый протест Рылеева против крепостнического произвола, против расправы с крестьянами, производимой даже без надлежащего расследования причин «возмущения». Рылеев счел возможным гласно выступить против знатного вельможи, обер-камергера графа Разумовского, хорошо известного царю и пользовавшегося влиянием в придворных и дворянских кругах. Рылеев указал, что причины крестьянских волнений кроются в личных распоряжениях Разумовского, из чего вытекало, что он и является первым и главным виновником беспорядков. «Мнения» Рылеева изложены в самой краткой и лаконичной форме. Несомненно, что в действительности Рылеев говорил больше, ярче, убедительнее, чем и объясняется восторженный отзыв Бестужева о выступлении Рылеева в Уголовной палате.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бестужевы, стр. 13.

² Розен, стр. 101.

³ Н. И. Греч. Записки о моей жизни. М.—Л., 1930, стр. 442.

⁴ Бестужевы, стр. 13—14.

⁵ О выступлениях Рылеева по делу крестьян графа Разумовского см.: а) ЦГИАЛ, архив Министерства юстиции, 1821 г., д. 60; б) ЦГИАЛ, архив Комитета министров, «Журнал Комитета министров» от 11 апреля и от 22 апреля 1822 г.

Кроме того, в ИРЛИ сохранилась анонимная статья — «Изложение дела о крестьянах гр. Разумовского и мнение К. Ф. Рылеева» с замечаниями П. А. Ефремова. Статья, видимо, была написана еще до уничтожения архива Петербургской палаты уголовного суда; однако автор статьи использовал не все дела о крестьянах Разумовского, и второе выступление Рылеева по этому делу в его работе не отразилось. Но в руках автора было «мнение», написанное рукою Рылеева, и оно помещено в статье полностью. Считаем нужным отметить, что в журналах Комитета министров (куда на рассмотрение вносились приговоры Палаты уголовного суда вместе с «особыми мнениями» Рылеева), «мнения» эти изложены как бы от третьего лица. Сличение текста «мнения» Рылеева, помещенного в статье, с текстом в «Журнале Комитета министров» показывает, что в «Журнале» это «мнение» приведено дословно. Упущена лишь одна ссылка Рылеева на показание крестьянки Марии Евсеевой о Никифоре Юдине. Можно думать, что и «особое мнение» Рылеева по другому делу крестьян графа Разумовского, обсуждавшемуся в Комитете министров 11 апреля 1822 г., тоже передает точно запись самого Рылеева. К сожалению, Рылеев делал записи сухо, лаконично, без той «силы чувствования», о которой вспоминал Н. А. Бестужев. Изложенное автором статьи дело крестьян Разумовского не может быть нами проверено, так как подлинное «дело» Палаты уголовного суда уничтожено. Следует отметить неполноту сведений, которыми располагал автор статьи. Сходки крестьян в начале декабря 1821 г., по его словам, кончились для крестьян благополучно; о предании суду 13 человек автору статьи не было известно; не знал он и о приговоре Палаты по этому делу и об «особом мнении» Рылеева по поводу приговора. Характеризуя первое выступление Рылеева, автор пытается доказать, что в нем «нет смелого голоса в защиту угнетенных крестьян». Одновременно автор статьи изображает главным защитником крестьян Александра И. П. А. Ефремов, редактируя статью, вычеркнул эти рассуждения, заметив на полях: «преглупое resumé».

⁶ ЦГИАЛ: а) архив Министерства внутренних дел, департамент полиции исполнительной, 1821, д. 32; б) архив Министерства юстиции, 1821, д. 60; в) архив Комитета министров, 1822, «Журнал Комитета министров» за апрель 1822 г.; г) архив с. е. и. в. канцелярии, 1820, д. 3344; д) там же, 1821, д. 3687. См. также: С. М. Середонин. Исторический обзор деятельности Комитета министров, т. I. СПб., 1902, стр. 343—347; рукопись «Изложение дела о крестьянах гр. Разумовского и мнение К. Ф. Рылеева», с замечаниями П. А. Ефремова (ИРЛИ).

⁷ Можно предположить, что волнение среди гостилицких крестьян было вызвано до некоторой степени слухами, порожденными восстанием Семеновского полка в 1820 г. Прокламации, которые разбрасывались в Петербурге в солдатских казармах во время восстания и после него, могли стать известными гостилицким крестьянам, ходившим на заработки в столицу. Но это только предположение.

⁸ См. И. И. Игнатович. Крестьянские волнения первой четверти XIX в. — «Вопросы истории», 1950, № 9, стр. 49.

⁹ История СССР, т. II. Россия в XIX веке. Под ред. М. В. Нечкиной. Изд. 2. М., 1949, стр. 122.

¹⁰ Цитируем по указанной анонимной рукописи (лл. 27 об. — 28). На рукописи помета П. А. Ефремова: «с подлинника, писанного рукою Рылеева» (см. также прим. 5).